

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и Болоховцахъ.

А. С. Петрушевичъ, Кто были Болоховскіе князья? („Слово“ 1877 г. и отдѣльный оттискъ).

Miklosich, Ueber die Wanderungen der Rumunen in den Dalmatinischen Alpen und den Karpaten. Wien, 1879 (Separatabdruck aus d. XXX Bande der Denkschr. d. philos.-hist. Classe d. kaiserl. Akad. d. Wissensch.).

Л. Похилевичъ, Болоховъ, Губинъ и Вщижъ, упоминаемые лѣтописями древніе русскіе города. Кіевъ, 1883 г.

Н. Молчановскій, Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 г. („Университ. Изв.“ 1883 г.).

Съ той поры, какъ въ число вопросовъ, по которымъ Ш-му археологическому съѣзду желательно было имѣть свѣдѣнія, былъ включенъ, по иниціативѣ В. Б. Антоновича, вопросъ о Болоховскихъ князьяхъ, послѣднимъ посчастливилось въ исторической литературѣ. Въ теченіе почти 60 лѣтъ, со времени Карамзина, который первый высказалъ нѣсколько догадокъ о Болоховскихъ князьяхъ и ихъ городахъ, и Ходаковского до 1873 г., о Болоховской землѣ имѣлись лишь отрывочныя замѣчанія и предположенія, разсѣяныя въ историческихъ трудахъ общаго содержанія (у Карамзина, Арцыбашева, Соловьева, Зубрицкаго, И. И. Шараневича) и въ историко-географическихъ очеркахъ древней Руси (Бѣляева и г. Барсова). Авторъ настоящей за-

мѣтки обратилъ вниманіе на Болоховскихъ князей въ своей монографіи о Даниилѣ Галицкомъ (1872 г.).

Съ 1873 г. вопросъ о Болоховцахъ выдвинулся на очередь и вызвалъ болѣе обстоятельную разработку. Его коснулся г. Квашнинъ-Самаринъ въ своей монографіи о Любецкомъ синодикѣ. Авторъ настоящей замѣтки подробнѣе разсмотрѣлъ данныя о Болоховцахъ и о мѣстности, въ которой они жили, въ особомъ сообщеніи, которое приготовилъ, по предложенію В. Б. Антоновича, для третьяго археологическаго съѣзда. Въ этомъ докладѣ, прочитанномъ въ за-сѣданіи съѣзда 12 августа 1874 г., авторъ, „не имѣя притязанія на окончательное рѣшеніе“ вопроса, „желалъ обратить вниманіе изслѣдователей на нѣсколько собранныхъ имъ фактовъ, которые были дотолѣ игнорируемы, насколько было ему извѣстно.“ Мы пришли тогда къ выводу, что „Болоховская земля была расположена по верховьямъ р. Бога и по притокамъ обѣихъ его сторонъ до поворота его на югъ, по верхнему теченію Случи до впаденія въ нее Хомора и по верховьямъ Тетерева и его притокамъ не далѣе Гнилопята. Болохово находилось въ пунктѣ соприкосновенія древнихъ земель Галицкой, Волынской и Кіевской и занимало южную часть теперешняго Новоградволинскаго уѣзда, восточную часть уѣзд. Староконстантиновскаго и Проскуровскаго, весь уѣздъ Летичевскій и, можетъ быть, также юго-западную часть Житомирскаго и западную Бердичевскаго. Въ теперешней Кіевской губерніи оно могло простираться и далѣе на востокъ, но мы не можемъ положительно утверждать это.“ Мы не нашли основанія считать Болоховцевъ иноплеменниками, а относительно князей Болоховскихъ приняли новѣйшее мнѣніе Н. И. Костомарова, что они происходили изъ туземныхъ княжескихъ родовъ и не принадлежали къ Рюриковичамъ; мы высказали также предположеніе, что это могли быть „лучшии мужи.“

Представляя сообщеніе о Болоховцахъ, мы ждали, что оно вызоветъ дополненія, новыя данныя и новыя цѣнныя соображенія. Мы обманулись въ этомъ ожиданіи: существеннаго и значительнаго обогащенія матеріаловъ не воспослѣдовало, хотя прошло уже 10 лѣтъ. Лѣтописныя же данныя для рѣшенія вопроса, при всей своей опредѣленности, не отличаются ощутительною съ перваго же взгляда наглядностью, которая могла бы устранить попытки произвольно толковать ихъ на разные лады, и такому направленію и подпали дальнѣйшія работы.

По выходѣ въ свѣтъ нашего реферата, по этому вопросу подаль голось почтенный изслѣдователь галицко-волинской старины А. С. Петрушевичъ. Онъ обратилъ вниманіе на румынскую колонизацію въ русскіхъ земляхъ съ довольно древняго времени, на которую давно уже указалъ польскій ученый Александръ гр. Стадницкій ¹⁾. Нѣсколько замѣчаній И. Шараневича о ней было включено Бидерманномъ въ монографію о Романцахъ ²⁾. А. С. Петрушевичъ приурочилъ Болоховцевъ къ Румынамъ, двигавшимся въ Русь, и выставилъ, такимъ образомъ, совершенно новую гипотезу о первыхъ.

Эта гипотеза была развита и обоснована при помощи нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ профессоромъ Черновицкаго университета І. Е. Калужняцкимъ, воспользовавшимся также нашею монографіею. Онъ собралъ довольно значительный филологическій матеріалъ, свидѣтельствующій, по его мнѣнію, о вліяніи румынскаго языка на малорусскій, привелъ названія горъ, рѣкъ и поселеній, указывающія на румынскую колонизацію, и собралъ историческія данныя объ этой колонизаціи.—Матеріалъ, сведенный г. Калужняцкимъ, и его историческія соображенія включены были проф. Миклошичемъ въ монографію о странствованіяхъ Румынъ, причемъ г. Миклошичъ напечаталъ и свой списокъ малорусскихъ словъ, заимствованныхъ, по его мнѣнію, изъ румынскаго языка.

Въ нашемъ краѣ М. В. Симашкевичъ, издавшій нѣсколько изслѣдованій по исторіи и этнографіи Подолья (нынѣ ректоръ Кам.-подольской дух. семинаріи), напечаталъ въ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1876 г. „программу для собиранія историко-археологическихъ свѣдѣній о Подоліи,“ къ которой было присоединено воззваніе къ духовенству Подольской епархіи между прочимъ—о сообщеніи свѣдѣній, буде гдѣ-либо найдутся данныя, имѣющія отношеніе къ исторіи Болохов-

¹⁾ O wsiach tak zwanych Wołoskich na północnym stoku Karpat. We Lwowie 1848. O kniaztwach we wsiach Wołoskich etc. Lwów 1853. Мы встрѣтили также указаніе на статью Tad. Lubomirskiego—Północno—wschodnie wołoskie osady (Bibliot. Warszawska 1855), но не видали ея.

²⁾ Die Romanen und ihre Verbreitung in Oesterreich, Graz 1877, s. 184—185.

свой земли ¹⁾. Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ не воспослѣдовало отвѣта. Г. Симашкевичъ склоняется къ мысли о половецкомъ происхожденіи Болоховцевъ и какъ бы въ пользу такого происхожденія высказалъ нѣсколько соображеній въ своемъ „Историко-географическомъ и этнографическомъ очеркѣ Подолія“ ²⁾.

Весьма желательно, чтобы лица, могущія способствовать выясненію топографическихъ данныхъ для исторіи Болоховской земли, не оставили безъ отвѣта запросъ о мѣстностяхъ, напоминающихъ древніе Болоховскіе города своими названіями, преданіями и остатками старины. Знакомые съ тѣми или иными уголками юго-восточной Волыни, Подолья и западной Кіевщины могутъ доставить частныя указанія, которыя послужатъ дополненіемъ къ собраннымъ уже матеріаламъ. Одно такое указаніе попытался приурочить къ древнему Болохову г. Похилевичъ, но пригодныхъ новыхъ свѣдѣній остается ждать въ будущемъ. Мы слышали, что профессору А. А. Потебнѣ была обѣщана однажды записъ думы о Болоховскихъ старцахъ, которая однако не доставлена. Намъ самимъ приходилось слышать, что въ восточной Волыни еще лѣтъ 20 назадъ существовали преданія о Болоховцахъ. Намъ извѣстно, далѣе, изъ словесныхъ сообщеній, что нѣкоторымъ лицамъ извѣстны кое-какія не-обнародованныя доселѣ данныя. Обращаемся ко всѣмъ, у кого окажутся подобныя данныя, съ просьбой о сообщеніи ихъ.

Интересъ къ вопросу о Болоховцахъ, обнаруженный въ послѣднее время, не можетъ быть приписанъ мелочному любопытству изслѣдователей старины. Какъ ни суживать предѣлы Болохова и значеніе Болоховцевъ, которые являются всего нѣсколько разъ на страницахъ галицко-волинской лѣтописи въ теченіе одной четверти XIII в., все-таки нельзя не признать, что загадочные Болоховцы заслуживаютъ вниманія русскаго историка хотя-бы уже въ силу того виднаго значенія, которое принадлежало имъ въ исторіи южной Руси въ роковой для нея моментъ рѣзкой переменъ ея судебъ и перелома ея исторической жизни. Мы не касаемся здѣсь связи исторіи Болоховцевъ съ послѣдующей исторіей Подолья и обстоятельства, на которое

¹⁾ Труды комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи, вып. I, Каменецъ-Подольскъ 1876—1877, стр. V—VI, I—XII.

²⁾ Выпускъ второй, Кам.-Под. 1876, стр. 112.

указываетъ г. Петрушевичъ, заключившій свою статью о Болоховцахъ словами: „Надѣюсь, что въ интересѣ исторической науки сей вопросъ не останется безъ отвѣта, ибо съ нимъ, такъ сказать, начинается первое историческое извѣстіе о возникающей связи южной Руси съ румынскимъ народомъ, вполнѣдствіи такъ важной въ политическомъ и литературномъ взглядахъ.“

„Въ интересѣ исторической науки“ и въ надеждѣ оживить вниманіе къ весьма любопытному эпизоду южнорусской исторіи и расширить его изученіе, отмѣтивъ въ немъ новую сторону, выдвинутую трудами гг. Петрушевича, Миклошича и Калужняцкаго, быть можетъ недостаточно извѣстными въ русской литературѣ, мы поставили цѣлью настоящей замѣтки разсмотрѣніе мнѣній о Болоховѣ, высказанныхъ съ 1874 г., т. е. послѣ нашего реферата. Въ концѣ мы скажемъ еще нѣсколько словъ о полемическомъ опытѣ рѣшенія вопроса, принадлежащемъ г. Молчановскому.

I.

Начнемъ съ двухъ мнѣній, представляющихъ болѣе или менѣе научную попытку рѣшенія вопроса о томъ, кто такіе были Болоховцы, т. е. съ гипотезы о румынскомъ происхожденіи Болоховцевъ.

Г. Петрушевичъ говоритъ, что Болоховскіе князья и племя ихъ были „Румынами, пришельцами въ южной странѣ Подоліи.“ Жили они между Днѣстромъ и ю. Бугомъ. Тамъ они поселились со своимъ племенемъ, по всей вѣроятности, въ началѣ XIII в., когда они „пришли на Русь послѣ похода Галицкаго князя Романа Мстиславича къ берегамъ Дуная, для освобожденія Цареграда отъ грозящаго ему нападенія Кумановъ и Влаховъ, вторгнувшихся съ своими полчищами по Оракію (1200 г.)“. „Воинственный духъ Влаховъ, по всей вѣроятности, былъ причиною, что мужественный владѣтель южной Руси, Романъ Мстиславичъ, названный современниками *самодержцемъ всей русской земли*, призвалъ нѣкоторыхъ начальниковъ, т. е. *князей* румынскаго племени съ дружиною ихъ въ свою войсковую службу...“ „Они по обстоятельствамъ, яко воинственное племя, вступали въ войсковую службу такъ русскихъ, якъ и угорскихъ королей.“

Г. Калужняцкій признаетъ возможнымъ прибытіе Румынъ въ предѣлы, получившіе названіе Болохова, въ первой половинѣ XII в., руководясь тѣмъ, что Болохово упоминается въ древней южно-русской

лѣтописи (Ип. сп.) уже подъ 1150 г., какъ отдѣльная мѣстность. На основаніи одного византійскаго извѣстія 1164 г. можно думать, говорить онъ, что въ то время Волохи были уже у границъ Галичины; тѣмъ же путемъ они могли достигнуть верхняго Буга, окрестностей Острога и Староконстантинова ¹⁾. Болоховскіе князья и ихъ народъ, по крайней мѣрѣ—большая часть послѣдняго, были, повидимому, Румыны ²⁾.

Обращаясь къ критикѣ гипотезы о румынскомъ происхожденіи Болоховцевъ, необходимо остановиться прежде всего на самомъ названіи Болохова, отъ котораго, очевидно, получили прозвище и Болоховскіе князья, и ихъ народъ—Болоховцы. Возникаетъ вопросъ: не представляетъ ли названіе Болохово какого—нибудь отношенія къ народному прозвищу волохъ или влахъ, которое искони было усвоено славянами ромаянамъ и въ особенности Румынамъ ³⁾? Вопросъ о происхожденіи названія Болохово интересенъ и самъ по себѣ въ виду множества мѣстностей, названія которыхъ произошли, очевидно, изъ того жѣ корня, что и названіе Болохова, или близки къ послѣднему.

Г. Петрушевичъ рѣшаетъ вопросъ о связи названія Болохова съ именемъ волохъ отрицательно. „Правда, что въ греческомъ пишется *Влахъ*, говоритъ онъ, но буква *beta* въ среднемъ вѣкѣ, якъ у нынѣшнихъ Новогрековъ, произносилась якъ *e*, для того греки писали *Λιβαδα*,

¹⁾ Miklosich, стр. 52, прим. 23.

²⁾ Miklosich, 40—41.

³⁾ О происхожденіи слова влахъ или волохъ писано много. Думаютъ, что славяне заимствовали это этническое обозначеніе, возникшее первоначально у кельтовъ, отъ германцевъ, у которыхъ оно имѣло презрительное значеніе въ эпоху занятія римскихъ земель. Объ употребленіи этого слова германцами съ древняго времени въ примѣненіи къ романцамъ на западѣ и на востокѣ см. въ ст. G. Paris'a: „Romani, Romania, lingua romana, romanicum“ въ Romania t. I (1872), pp. 5—12. Ср. Rev. celtique, III, 262. См. далѣе ст. Миклошича „Die slavischen Elemente im Rumunischen,“ помѣщенную въ „Denkschr.“ Вѣнской Академіи 1862 г. Греки заимствовали это названіе у славянъ. Славянскія видоизмѣненія см. у Matzenauer'a Cizi slova ve slovanskych řech, v Brně 1870, 89—90. Ср. Cihac, Dictionnaire d'étymologie daco—romane, éléments slaves, magyars, turcs, grecs—moderne et albanais, Francfort s. M. 1879, p. 460.

Литва, вмѣсто нашего *Литва*. Однако городъ *Болоховъ* въ кievскомъ княжествѣ упоминается уже подъ 1150 годомъ, въ окрестностяхъ котораго въ послѣдствіи поселились Румынскія князья, т. е. начальники сего племени или рода, и отсюда, вѣроятно, получили названіе *Болоховскихъ князей*. Впрочемъ названіе мѣстностей *Болохова, Болехова, Болоховецъ, Болховъ, Болхуны* и проч. повторяются по всей Руси и Польшѣ и относятся къ индо-европейскому корню *bhag*, въ значеніи *levare, portare, movere, premere, percutere, vertere, splendere, surgere*, отсюда *боровина, болото, болхати, болохъ* (у малоруссовъ *caltaa palustris*); великор. *болхаръ*. Впрочемъ, малорусское слово *болоховецъ* въ значеніи *рыболова* читается въ грамотѣ польскаго короля Сигизмунда III, данной Иоанну Даниловичу, русскому воеводѣ, на учрежденіе городка *Лисянка* при устьѣ рѣчки Лисянки въ Тыкичѣ, отъ 28 іюня 1622 г.—Такимъ образомъ, названіе *Болоховскихъ князей* не стоитъ въ никакой связи съ *Блахією* или *Влахією*, слѣдовательно изъ того слова по русскому полногласію нельзя преобразовать *Болохово* на *Волохово*, для произведенія отсюда *болоховскихъ*, т. е. *Влахійскихъ* или *Волосскихъ* князей.—Это возраженіе противъ возможности производства названія *Болохова* отъ *волохъ* чрезъ форму *болохъ* не вполне убѣдительно, потому что, повидимому, приносили не только *влахъ*, но и *блахъ*, что видно изъ латинской передачи этого названія: въ памятникахъ находимъ *vlacus* и *blasus*.—Что до значенія слова *болоховецъ* въ грамотѣ 1622 г., то изъ послѣдней не вытекаетъ, чтобы оно обратилось въ нарицательное имя.

Г. Калужняцкій склоненъ, повидимому, видѣть въ самомъ названіи *Болохово* указаніе на румынское происхожденіе поселеній, такъ наименованныхъ. Онъ обращаетъ вниманіе на указанное уже нами мѣсто у одного польскаго писателя XVI в., гдѣ упомянуто село *Болоховцы* на чисто молдавской территоріи, что г. Калужняцкій признаетъ достопримѣчательнымъ ¹⁾. Галицкій городокъ *Болаховъ* (по русски *Болѣхивъ*) названъ въ актѣ 1472 г. „*villa Valachorum*“; вблизи этого городка находится деревушка *Wołoska wieś* ²⁾. Мы, съ своей

¹⁾ Miklosich, 52, прим. 21.

²⁾ Mikl. 44—45.—Въ документѣ этомъ говорится: „in... viginti marcis.... Iohannes Chodorowsky Venceslao villam suam in districtu Leopoliensi

стороны, прибавимъ указаніе на тожественное названіе посел. въ Чехіи, вѣмецкое названіе котораго не лишено интереса 1).

Въ Галичинѣ занимающее насъ названіе произносится не одинаково. Кромѣ только что названнаго *Bolechów* въ повѣтѣ *Dolina* и отстоящаго отъ него въ 10 километрахъ *Bolechów guski*, существуютъ еще поселки: *Болоховъ* въ *Калюшскомъ повѣтѣ* (по нар. выговору *Болохівъ*) и *Bolechowice albo Wołochowce z Wołą Bolechowską* въ *Дрогобычскомъ повѣтѣ* (по народному выговору *Болоховци*). Форма *Bolechowice*, тожественная съ *Болоховци*, сближаетъ послѣднее названіе съ *Bolechowice* въ *Краковскомъ повѣтѣ* 2).

Возникаетъ вопросъ, не имѣютъ ли отношенія къ названіямъ *Болоховъ* и *Болоховець* 3) польскія *Болеховице* или *Болеховиче* XIII в.

et territorio *Zudaczowyensi* sitam, *Bolechow Valachorum* dictam, post fluvium *Szukyl* iacentem... tenere obligavit et invadiavit.“ *Akta gr. i z. VII, № LXV, str. 127.* Поселокъ этотъ возникъ около 1450 г. *Mikl., 26.*

1) *Bylochow, Bolochow (Wallach)*. См. *Topograficko-statistický Slovník Cech. Sestavili Jan Orth a Fr. Sládek, v Praze 1870, str. 61.* *Palacky, Popis království českého, v Praze 1848, str. 75.*

2) Мы заимствовали указанія на положеніе этихъ мѣстностей изъ оффиціальнаго указателя, издавнаго Австрійскимъ правительствомъ для почтоваго вѣдомства Галиціи.—Въ грамотѣ *Казимира Львоу* 1356 г. находимъ *Belchowicz*, которое, по мнѣнію *Зубрицкаго (Kronika miasta Lwowa, str. 490)* поставлено вмѣсто *Biłohoscz*, позд. *Biłohorszcz*. Распъ читаетъ *Bełohowicz* (см. ст. его въ *Arch. f. österr. Gesch.*). *И. И. Шараневичъ* считаетъ, повидимому, правильнымъ *Bolchowicz*. Въ документѣ 1409 г. находимъ *Bolechowcze. Akta grodzkie i ziemskie, t. IV, we Lwowie 1873, str. 74.*

3) Въ актѣ 1243 г. „*Boleslaus dictus Pudicus, dux Cracovae et Sandomiriae, partem villae Bolechowice Prandotae episcopo Cracoviensi donat.*“ *Kodeks dyplomatyczny katedry Krakowskiej S. Wasława, № XXIV, p. 34.* Въ актѣ деревня названа *Bolechowicze*. Въ примѣчаніи издателя читаемъ: „*Bolechowice, wieś położona w województwie Krakowskiem, obwodzie i powiecie Kieleckiem, parafii Chęciny.*“ Объ одномъ краковскомъ епископѣ начала XV в. въ каталогѣ краковскихъ епископовъ говорится: „*Nic chorum in ecclesia parrochiali Bolechowicze muravit.*“ *Monum. Pol. III, 372.*—Послѣднее же село разумѣлось, вѣроятно, въ грамотѣ *Болеслава Стыдливаго* 1254 г., гдѣ читаемъ: „*Item donationem sortis de bolechowic seruj glebe, spectantis ad*

(это село, какъ мы сейчасъ видѣли, существуетъ и теперь), Болеховицъ и прозвище *bolechovic* ¹⁾).

Необходимо обратиться къ указанію корня этихъ названій и прозвищъ. Корень Болох-ов-о и Болох-ов-ьць, очевидно бълхъ или бълх. Отъ перваго вида корня могли произойти названія Болехово или Болеховъ (въ лѣтописяхъ та и другая форма), отъ втораго Болхово ²⁾ или Болховъ ³⁾. Польскія названія Болеховиц(ч)е, Болеховицъ и Болеховъ могли-бы быть заимствованы изъ русскаго языка, но послѣднее мало вѣроятно въ виду рано встрѣчающагося польскаго имени Болехъ, которое представляетъ видоизмѣненіе имени Болеславъ (Болько) ⁴⁾. Отъ Болехъ могли произойти приведенныя польскія назва-

cracovic castellanum, factam a nostro patruo predicto Ianconj patrono claustrj antefatj, et donatam ipsj clauastro, ratam censeutes confirmamus. Que sors uacabat tunc, colono ejus ad terras exteris fugiente. Item alteram sortem seruj ejusdem conditionis ibidem donauimus cum matre nostra monasterio sepefato.“ Въ примѣч. читаемъ: „*Bolechowice villa reg. Cracoviensis, suae parochiae caput.*“ *Codex diplomaticus Poloniae, stud. et op. L. Ryszczewski et olim Ant. Muczkowski, t. III, Vars. 1858, p. 58.*—Въ грамотѣ Болеслава Стыдливаго 1270 г. читаемъ: „*Modlibosius prepositus emit a conuentu de cyrich in bolechowic partem hereditatis que erat ipsorum. . .*“ Въ примѣчаніи говорится: „*Bolechowice? Bolechowic villa regionis Kieicensis, parochiae Chęcinensis.*“ *Ibid., 91.*—На послѣднія двѣ грамоты указалъ г. Бодуэнъ-де-Куртенэ, О древнепольскомъ языкѣ до XIV-го столѣтія, Лейпцигъ, 1870, стр. 3 подъ слов. болеховишт=Bolechóvic или bolechowic. Ср. въ *Kod. diplomat. Małop., № LXXIX, p. 96*, гдѣ говорится о *sors Bolechowski* въ с. Dubie въ Краковской землѣ.

¹⁾ Въ документѣ 1220 г. мы нашли упоминаніе о *miles Laurines bolechowic*; это прозвище начинается малою буквою и въ другомъ мѣстѣ. *Kod. diplomat. katedry krakowskiej S. Wasława, p. 19 et 22.*

²⁾ Такъ въ Діаріушѣ Аванасія Филипповича 1645 г. Р. историч. библиот., т. IV, стр. 61.

³⁾ Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изд. Г. И. Спасскимъ, М. 1846, стр. 83, 84, 110. „Болховы (Болховы) боараки“ (лѣсъ)—тамъ же, стр. 14, 28.

⁴⁾ *Bolech lagenarius* въ актѣ 1136 г.

нія, а равно сходныя чешскія ¹⁾ и польская фамилія *Boleschowiców* ²⁾. — Отъ корня бълх, отъ котораго могло образоваться Бълхово, могли явиться также такія польскія формы, какъ *Bełchowe* въ актѣ 1253 г. ³⁾. — Повидимому, къ занимающимъ насъ здѣсь названіямъ не относятся также польское *Białachowo* ⁴⁾ и сербское Болховци ⁵⁾.

Предположимъ ли тотъ или другой корень въ основѣ упомянутаго въ русскихъ лѣтописяхъ мѣстнаго названія Болохов(ъ)о, придадимъ этому корню то или иное значеніе ⁶⁾, — менѣе всего вѣроятности будетъ

1) „Bolechowice 1254 (bol=majus, melius), Imiona osobowe bolin, boleki, 1186 *bolech* lagenarius, bolebor, bolemir, boleslaw.“ Tadeusz Wojciechowski, *Chrobacya*, Krak. 1873, T. I, str. 292—293. Ср. у г. Бодуэна-де-Куртенэ, О др. польск. яз., стр. 3 s. v. *bolechъ*. — Чешскія названія мѣстностей: *Boleschov* (Bolechau), *Bolechovice* (Bolechowic), *Bolikovice*, *Bolkow* (Wolkow); ср. *Bilichov*, *Belichov* (старая форма этого названія—*Belchov*: *Palacky*, стр. 607). *Ortha Sladek*, Top.—Stat. *Slovník*, стр. 20, 29, 30, 35, 61; *Palacky*, *Popis*, 7, 75, 197, 257, 355. Ср. чешскія имена *Bolechna*, *Boik*, *Bolich* въ *Erben*, *Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*, pars I, Pragae 1855, *Index personarum*, p. 633. — Ср. сербское названіе Болъхвићи, Болъхвићъ. *Гласникъ српског ученог друштва*, книга XLII (1875), 126.

2) Шайноха, *Jadwiga i Jagiełło*, I, str. 40 и прим. на стр. 344.

3) См. Бодуэна-де-Куртенэ О древне польск. яз., словарь стр. 1 s. v. *бълхово*==*Bełchowe* vel *Bełchowe*. Ср. замѣчаніе его же по поводу слова *Bełchowe*: „... я позволю себѣ сопоставить съ названнымъ словомъ русское *бѣлховни*, мѣстное названіе *Болховъ*, фамилію *Болховитимовъ* и т. п., затѣмъ польск. *bełchliwu*==*bełkolliwu* и т. п. и что самое важное, названіе теперь существующей мѣстности *Bełchów* (Варшанской губ., Ловичскаго уѣзда). Рецензія на изслѣдованіе г. Кочубинскаго „Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій“ etc. Казань, 1879, стр. 28—29. Въ Моравіи было село *Balkovice* (*Bilkovice*), *Bełchowiz*, *Belkouich*, *Belkouic*, *Belkouice*, *Bilcoisce*. Эрбенъ 710.

4) Одно изъ укрѣпленій, основанныхъ рыцарями нѣмецкаго ордена въ XIII в. недалеко отъ Осы. О *Białochowo* и *Бялоховскихъ* на прусской территоріи см. въ *Przegląd Akademii Umiejętności*, t. I, 183. Въ *Index pagorum in Galicia Occidentali* мы встрѣтили *Bialogow* (*Dominium et circulus Kielce*).

5) *Милићевић*, *Кнежевина Србија*, у Београду, 1876, 349.

6) Если считать приведенныя выше названія происшедшими отъ име-

за производствомъ этого названія отъ этническаго имени волохъ. Галицкій Болоховъ возникъ довольно поздно, а съ другой стороны лѣтописное Болохово упоминается въ то время, когда едва-ли проникала такъ далеко на сѣверъ румынская колонизація. Существуетъ цѣлый рядъ мѣстныхъ названій не только на Руси, но и въ другихъ славянскихъ земляхъ, указывающихъ на Волоховъ, но эти названія образованы изъ формъ волохъ, влахъ, влохъ ¹⁾, а не изъ блахъ, блохъ, болохъ. Послѣднія формы не были обычны на Руси, а сами Румыны не могли такъ называть себя. Съ значительною вѣроятностью можно предположить, что названіе Болохово стояло въ связи съ румынской колонизаціей и что оно—чисто славянское мѣстное наименованіе.

Обращаемся къ разбору другихъ основаній, по которымъ въ Болоховцахъ видятъ Румынъ.

Древнѣйшее прямое указаніе на движеніе Румынъ въ русскія земли гг. Петрушевичъ и Калужняцкій находятъ въ грамотахъ послѣдняго галицкаго князя Юрія II, гдѣ въ числѣ свидѣтелей

ни личнаго (у Миклошича эти названія стоятъ въ ряду Ortsnamen aus Personennamen бол—), то надо будетъ возвести ихъ въ имени Болахъ, которому въ русскомъ языкѣ соответствовало бы имя Волохъ. Была ли въ ряду древне-русскихъ именъ эта послѣдняя форма, не знаемъ. Не отсюда ли шляхетская фамилія Гуляницкихъ—*Болоховичей* на Волыни (Арх. югоз. Россіи, ч. IV, т. I—указан. М. В. Симашкевичемъ) и Балаховскихъ?—Въ чешскомъ докум. 1238 (Erben, № 934, р. 434) встрѣчаемъ Bolosciz, но въ другихъ мѣстахъ стоитъ Bělusice, Belusiz, Beluschi. Ib., 710. Подовещкое Болушь (Лавр. 158, сп. AP Блушь, Ип. 114; Блушь) сюда не относится.—Отмѣтимъ др. слав. блѣхъчій *téxtoу faber, artifex*; этой формѣ Миклошичъ отдаетъ предпочтеніе предъ блѣхчи, блѣхъчи, блѣхъчий. *Lexicon palaeoslovenico—graeco—latinum*, Vindob. 1862—65, 30—31.

¹⁾ См. Миклошича „Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen“ въ „Denkschriften der kais. Akad. d. Wissenschaften Philos.—hist. Classe, XIV—ter Bd. Wien. 1865, 8. Новицкій, Указатель къ изданіямъ временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, т. II (имена географическія), Кіевъ. 1882, стр. 125—127. Волоховъ упоминается и въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ, изд. В. Б. Антоновичемъ. Въ молдавской грамотѣ 1403 г. въ числѣ свидѣтелей названъ „Панъ Журжъ *Волховецкій*.“ *Dod. tygodniowy Gaz. Lwowskiej* 1854, № 39. *Samprum walagouwa* въ документѣ 742 г. у Эрбена.

поименованы *Borisco Cragula* и *Alexander Moldaowicz*. Въ прозвищахъ того и другаго названные изслѣдователи готовы видѣть указаніе на румынское ихъ происхожденіе. Такое замѣчаніе едва ли можно принять безъ всякихъ сомнѣній. У румынъ, дѣйствительно, есть слово *сгас*, и производныя отъ него, напр. *сгасул оистей* (*limonière, limons*), есть названія деревень, имѣющія отношеніе въ той же формѣ (*Cragaul-peggi*), но самое слово *кракъ* заимствовано изъ славянскихъ языковъ ¹⁾; въ язык. болгарскомъ и сербскомъ это слово имѣетъ ту же форму, что и въ румынскомъ. Въ малорусскомъ прозвищѣ, произведенномъ отъ этого слова, могла быть полногласная форма ²⁾, но могла и не быть ³⁾; окончаніе же *ула* встрѣчается въ славянскихъ именахъ ⁴⁾ и въ частности въ малорусскомъ языкѣ ⁵⁾. Уважемъ также на другіе славянскіе корни, отъ которыхъ могло произойти прозвище *Кракула* ⁶⁾.—Равнымъ образомъ и прозвище *Молдаовичъ* также не даетъ основаній ни къ какому заключенію въ виду того, что Молдавія была издревле населена славянами: окончаніе прозвища *Молдаовичъ* славянское, да и самый корень, который можно предположить въ основѣ этого прозвища, не указываетъ на румынское произношеніе ⁷⁾.

Съ устраненіемъ этого указанія, можно, кажется, сказать, что несомнѣнные слѣды движенія Румынъ въ галицкую землю усматриваются лишь со 2-й половины XIV в., въ грамотахъ времени польскаго владычества,

¹⁾ Cihac, Dictionn. d'étymologie daco-romane, *Élém. slaves etc.*, 79.

²⁾ Какъ въ сербскомъ *коракъ*, въ р. *окорокъ*, *каракатица*, *каракуля*. Ср. *Корочюновъ* камень въ извѣстномъ перечнѣ Воскресенской лѣтописи. Перечень производныхъ отъ корня *кракъ* см. въ разсужденіи А. С. Петрушевича „*Корочунъ-кракъ*“, Львовъ, 1876 (перепечатано изъ „*Слова*“).

³⁾ *Крачунъ* и *корочунъ*. Отмѣтимъ фамилію *Cragowka* въ актѣ 1426 г. (*Акта VII, № XXXV, p. 71*).

⁴⁾ *Радула*, *Сѣвула*. См. Miklosich, *Die Bildung der Slavischen Personennamen*.

⁵⁾ Прозвища—какъ *Довгуля*; слова: *рогуля*, *ругат*, *хамула*, и т. п. *Сокуля*, мѣстность около *Житомира*; ср. *Hunfalvy, 230*.

⁶⁾ Замѣтимъ, что *сосна*, растущая въ болотистыхъ мѣстахъ и не отличающаяся стройностью, называется въ малор. нарѣчій *гракомъ*.—Укажемъ на глаг. *кравать*.—*Матценауэръ* относитъ къ подобному же корню (*krag—sonum edere*) *krag—ulja tintinnabulum* (стр. 49—50).

⁷⁾ Названіе Молдавіи самъ же г. *Калужняцкій* производитъ отъ *Молдавы*, какъ называется притокъ *Серета*, протекающій чрезъ тотъ край въ сѣверо-западномъ направленіи (См. замѣчанія г. *Калужняцкаго* въ издан-

хотя самое движеніе могло начаться уже съ первой половины XIV в. 1).

Предположеніе, что подъ Болоховцами должно разумѣть Румынъ, лишено прочныхъ основаній: въ пользу его нѣтъ никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ. Вопросъ о Болоховцахъ необходимо отдѣлять отъ исторіи румынскаго движенія въ южно-русскія земли. Что до вліянія Румынъ, то послѣднее несомнѣнно 2). Слѣды румынской колонизаціи тянутся, повидимому, далеко вглубь юго-западнаго края 3). Въ волынскомъ говорѣ также встрѣчается немало словъ, которыя г. Калужняцкій приписываетъ въ галицкомъ говорѣ румынскому вліянію. Списокъ словъ, вошедшихъ изъ румынскаго языка, составленный г. Калужняцкимъ, заключаетъ слова, которыя могли войти въ русскій языкъ изъ другихъ языковъ помимо румынскаго 4), и, наоборотъ, не содержитъ нѣкоторыхъ, взятыхъ изъ послѣдняго 5). Вообще широкое распространеніе нѣкоторыхъ румынскихъ терминовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что военно-пастушескіе обы-

нымъ имъ актамъ въ VII-мъ т. Akta, p. 196, прим. 1). Въ той мѣстности былъ и городъ Молдавица (см., напр., Akta VII, 206). Румынскія формы названій этого края у Cihac'a, Elém. slaves, p. 201. Ср. Urechî, Chren. de Moldavie, pag E. Picot. p. 10—11. Въ дубенскомъ уѣздѣ есть с. Молодава. Отъ названія Молдавія слѣдуетъ отличать названіе Мунтенія, Мультаны.

1) Напр. Щепанъ *Волошинъ* Рыботицкій въ документѣ 1359 г., село Волоше въ документѣ 1373 г. (въ Саноцкомъ округѣ: Akta VII, № IX). Въ 1377 г. Владиславъ Опольскій пожаловалъ пустынное мѣсто Ладоміру Волошину „садити село у волоское право“ (Akta VII, № XIII).

2) О мнѣніи А. С. Петрушевича касательно этого вліянія см. въ отчетѣ Макушева, помѣщенномъ въ „Варшавскихъ Университ. Извѣстіяхъ“ 1881 г.

3) Укажемъ, напр., на Сингуры Житомирскаго у. Въ XV столѣтіи valacchi встрѣчаемъ въ Крыму. Tomaschek, Die Goten in Taurien, 1881, 54.

4) Напр., бугай, чердакъ, чубукъ (Mikl. 14; ср. въ Codex Cumanicus). Вообще нѣкоторыя тюркскія слова могли проникнуть въ русскій языкъ не чрезъ волоховъ, но прямо отъ турецко-татарскихъ племенъ.

5) Бузя (губки); ср. волошск. buza (Cihac, Dict., Elém. latins, 31—32; быть можетъ, албанское слово: Hunfalvy, Die Rumänen und ihre Ansprüche, Wien u. Techen 1883, 210; ср. Elém. Albanais, 715). Дерешоватый; ср. Hunfalvy 230; Cihac, Elém. Magyars, 495. Съ кульбава ср. рум. culbéc (Cihac, Elém. Turcs, 569); со словами рапти, драпать и т. п. (ср. Mikl. 18) сопост. garpsc у Cihac, Elém. lat. 227. И т. д.

чань малоруссовъ развились въ значительной степени подъ влияніемъ румынъ ¹⁾, но отсюда еще не слѣдуетъ, что такое вліяніе началось уже въ XII-мъ столѣтіи. Многія изъ словъ, указанныхъ гг. Миклошичемъ и Калужняцкимъ, могли проникнуть въ малорусскій языкъ позднѣе, напр., когда немало Румынъ двинулось на Подолье, и когда границы румынскаго племени раздвинулись на счетъ русскаго племени въ XIV—XV вв. Въ позднѣйшее время могли быть заимствованы малоруссами такія интересныя слова какъ ватагъ, чабанъ, хуторъ, царина и др. ²⁾. О движеніи Румынъ въ предѣлы южно-русскаго племени въ болѣе раннее время нѣтъ извѣстій. Г. Калужняцкій обратилъ вниманіе вслѣдъ за Томашкоу на то обстоятельство, что Румыны начали переходить въ XII-мъ столѣтіи изъ Балканскихъ земель на сѣверный берегъ Дуная и проникли даже до границъ галицкой земли ³⁾, но самъ же затѣмъ отмѣчаетъ, что послѣ 1164 г. вновь нѣтъ извѣстій о волохахъ въ мѣстностяхъ къ сѣверу отъ Дуная. Даже, если-бы мы согласились съ И. И. Шараневичемъ и Гунфальви ⁴⁾ и предположили въ бродникахъ влаховъ, и это не дало бы намъ права думать, что влахи осѣлись далеко на сѣверѣ среди русскихъ поселеній. Бродники, повидимому, не отличались осѣдлостью, Волохи преимущественно занимались скотоводствомъ ⁵⁾, Болоховцы же, хотя передвинулись потомъ съ мѣста первоначальнаго жительства ⁶⁾,

¹⁾ Въ мадьярскій языкъ вошли изъ румынскаго слова, также имѣющія отношеніе къ пастушеской жизни и скотоводству.

²⁾ Съ ватагъ (Mikl., 11) ср. Cihac, *Elém. slaves*, 451. Mikl., *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*, 135. Со словомъ ватага ср. ватаги въ Ип., 450. О словѣ чабанъ (Mikl., 14) см. Cihac, *Elém. Turcs*, 565. Параллели къ слову хуторъ (Mikl., 10), часто встрѣчающемуся во влахо-болгарскихъ грамотахъ, см. у Cihac, *Elém. Magyar*, 507. Изъ словъ, которыя проникли ранѣе, отмѣтимъ *дъль* („Борьсуковъ *дъль*,” Ип. 518; о словѣ Борсукъ Микл. 2; Mikl., 8, 10; Matzen. 386). Румыны могли уже быть въ XIII в. въ Карпатахъ. Слово манатье (Mikl., 10) вошло, повидимому, не изъ румынскаго (см. Ип. 247—248).

³⁾ Ср. однако замѣчаніе В. Г. Васильевскаго на книгу г. Успенскаго въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1879, № 7, стр. 170 и сл.

⁴⁾ *Die Rumänen*, 83. Bidermann, *Die Romanen*, 185.

⁵⁾ См. выдержки изъ источниковъ о влахахъ у Даничича, Рѣчникъ изъ књижевнихъ старина српскихъ, у Београду, 1863, I, 131.

⁶⁾ Упомянутія XVI—XVIII вв. о Болоховцахъ каждый разъ указываютъ на нихъ въ иномъ мѣстѣ: люстрація XVI в. упоминаетъ о Болохов-

имѣли города въ XIII в. и укрѣпляли ихъ. Названія Болоховскихъ городовъ не возбуждаютъ никакого сомнѣнiя въ славянскомъ ихъ происхожденiи ¹⁾.

Единственной чертой, позволяющей видѣть въ Болоховцахъ Румынъ, можно признать особое, повидимому, значенiе и множественность князей ²⁾ у Болоховцевъ. Какъ извѣстно, у западныхъ славянъ слово князь означало мѣстнаго старшину; у Волоховъ, которые постоянно жили сообще съ этими славянами, князьями назывались судьи, старшины селъ. Равнымъ образомъ, и въ прикарпатскихъ русскихъ селлахъ, основанныхъ *jure valachico, scultetia* называлась *kniaztwo*; княземъ называютъ и теперь старшину въ селѣ, войта (солтеса). Гг. Петрушевичъ и Калужняцкiй готовы предположить, что Болоховскiе князья были такого рода мѣстными старшинами. Это указанiе гг. Петрушевича и Калужняцкаго весьма цѣнно: оно расширяетъ кругъ сравненiя и вводитъ новый материалъ, который можетъ содѣйствовать болѣе обстоятельному выясненiю строя, господствовавшаго у Болоховцевъ. Вскорѣ мы остановимся подробнѣе на этомъ интересномъ указанiи: оно вполне подтверждаетъ наше прежде высказанное мнѣнiе о томъ, что строй, установившiйся на Подольѣ предъ занятiемъ послѣдняго Литвою, въ сущности былъ видоизмѣненъ той же общественной организацiей, какую въ XIII в. находимъ у Болоховцевъ. Пока замѣтимъ по поводу мнѣнiй гг. Петрушевича и Калужняцкаго, что и у русскихъ сѣверо-восточной Венгрии были такiе

цахъ на Подольѣ, документъ XVII в. говоритъ о Болоховцахъ въ кievской землѣ, въ XVIII в. находимъ Болоховцевъ за Днѣпромъ. Извѣстiе галицко-волынской лѣтописи о столкновенiи Болоховцевъ съ Мазовецкимъ княземъ весьма неясно и не даетъ права на какiя-нибудь опредѣленные заключенiя о причинѣ, по которой Мазовецкiй князь хотѣлъ „разграбить“ Болоховскихъ князей.

¹⁾ Кудинъ и Кобудъ не заключаютъ въ себѣ ничего не славянскаго. Въ основѣ перваго названiя, судя по суффиксу *ин*, надо предположить *куда* или *кудь*. Слово *коудъ*, дѣйствительно, существовало (см. Mikl. Lexic., 321). Въ древне-русскомъ яз. было еще слово *кудь*.—Что до Кобуда, то въ этомъ названiи суффиксъ славянскiй, какъ и корень.

²⁾ См. о князьяхъ у волоховъ въ XIII в. у Hunfalvy, Die Rumänen, 93 и др.

же князья, какъ и у волоховъ, не говоря уже о томъ, что „князь многи“ упоминаются и у Половцевъ ¹⁾, каковыми нѣкоторые считаютъ Болоховцевъ.

Мы изложили доводы, представленные въ доказательство румынскаго происхожденія Болоховцевъ. Сказаннаго, кажется, достаточно, чтобы относиться пока къ мнѣнью о волошскомъ происхожденіи Болоховцевъ, какъ къ домыслу, нуждающемуся въ болѣе обстоятельномъ обоснованіи.

II.

Обращаемся теперь къ попыткѣ г. Похилевича опредѣлить мѣстность древняго Болохова на основаніи мѣстныхъ разысканій.

Г. Похилевичъ приурочиваетъ древній Болоховъ къ мѣстечку Бѣлиловкѣ Бердичевского уѣзда, расположенному въ 10 верстахъ отъ м. Ружина Сквирскаго уѣзда, въ западу, по р. Раставицѣ. Г. Похилевичъ обращаетъ вниманіе на то, что Бѣлиловка носила различныя названія въ разныя времена. Къ Бѣлиловкѣ могутъ быть отнесены и мѣстности, упомянутыя въ актахъ 1532 и 1539 гг., не существующія теперь поселенія Бѣгалевка, Бѣгловцы, Бухлавцы. Къ этимъ именамъ г. Похилевичъ прибавляетъ Бѣлиловъ и Болоховъ. Откуда взялъ г. Похилевичъ это послѣднее названіе, не ясно. Затѣмъ читаемъ: „У жителей сохранилось преданіе, что Бѣлиловка прежде существовала подъ именемъ города Бѣлилова, и что въ этомъ городѣ, до разоренія его татарами, находилось много каменныхъ зданій и церквей. *На этомъ основаніи* ²⁾ полагаю, что здѣсь преимущественнѣе, чѣмъ въ Борушковцахъ, Бороховѣ и даже Прилукахъ, надо искать столицу Болоховскихъ *особныхъ князей*.“ „Преданіе присовокупляетъ, что, при разореніи татарами Бѣлилова, жители были избиты и уведены въ плѣнъ, только немногіе спаслись бѣгствомъ, безъ сомнѣнія смѣшивая татаръ съ другими своими разорителями. Какъ бы въ подтвержденіе этого преданія время сохранило древнія могилы, кладбища и валы.“

Если г. Похилевичъ основалъ свое предположеніе на изложенномъ имъ преданіи, то этотъ доводъ не имѣетъ значенія: мало ли подобныхъ преданій въ различныхъ мѣстностяхъ южной Руси, гдѣ уцѣлѣли остатки старинныхъ укрѣпленій? Старинное названіе одного урочища Бѣлиловки, Biełowce, Biechłowce или Bichłowice, встрѣчаю-

¹⁾ Напр., Ип. 303.

²⁾ Курсивъ принадлежитъ намъ.

щесея въ грамотахъ Сигизмунда I 1533 и 1539 г. ¹⁾, не имѣеть отношенія къ названію Болохова и его городовъ. Что до Бѣгалѣвки, то она не Бигаловка ли Сквирскаго уѣзда ²⁾?—Для обоснованія мнѣнія г. Похилевича необходимо было бы прямое указаніе въ предапіи на Болоховъ, чего однако не находимъ ³⁾.

Не имѣеть, потому, значенія и то отмѣчаемое г. Похилевичемъ обстоятельство, что „въ 15 верстахъ отъ Бѣлиловки къ югу, на лѣвой сторонѣ р. Десны, при впаденіи въ нее ручья Пытай, лежитъ село Губинь,“ которое г. Похилевичъ также считаетъ Болоховскимъ городомъ.

Говоря затѣмъ о Прилуцкѣ, г. Похилевичъ возражаетъ противъ нашего замѣчанія, „что на мѣстѣ Прилуки могло бы быть Болохово.“ Употребивъ такое выраженіе, мы имѣли въ виду Болохово, не какъ отдѣльный городъ, но какъ цѣлую мѣстность, и указывали на возможность протяженія Болоховской земли на востокъ приблизительно до Прилуки.

III.

Разсмотримъ въ заключеніе тѣ возраженія противъ нашего мнѣнія о происхожденіи Болоховскихъ князей и о границахъ ихъ владѣній, которыя представлены г. Молчановскимъ.

Этимъ возраженіямъ г. Молчановскій отвелъ отдѣльную, довольно значительную по размѣрамъ главу своего свода извѣстій о подольской землѣ до 1434 г., хотя, по его же собственнымъ словамъ, и „не подтверждается“ высказанное нами мнѣніе, „что Болоховская земля захватывала границы позднѣйшей Подольской земли“ (стр. 105).

Мы остановимся на размышленіяхъ г. Молчановскаго не потому, что-бы они давали что-нибудь новое, кромѣ неправильныхъ толкованій, ошибокъ и путаницы; разсужденіе его состоитъ изъ ряда неудачныхъ усилій подорвать высказанное нами 10 лѣтъ назадъ мнѣніе о Болоховѣ и Болоховцахъ. Г. Молчановскій видимо старательно потрудился для приведенія доводовъ, какіе только, на его взглядъ, можно выдвинуть противъ нашихъ положеній, которыя онъ опровергаетъ съ такою увѣренностью. Если мы касаемся здѣсь полемики автора, и

¹⁾ Антоновичъ и Козловскій, Грамоты великихъ князей литовскихъ, 58, 61—62.

²⁾ См. указатель г. Новицкаго, стр. 31.

³⁾ Преданіе, рассказываемое въ Бѣлиловкѣ, и историческое объясненіе его см. въ Słownik geograficzny królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich, t. I, Warsz. 1880, 190—192.

какъ видно еще недостаточно ознакомившагося съ предметомъ, то лишь потому, что она нашла мѣсто на страницахъ „Универс. Изв.“ гдѣ печатается и настоящая статья.

Г. Молчановскій остался совершенно недоволенъ нашими выводами. „Слѣдя шагъ за шагомъ за всѣми попытками г. Дашкевича установить... границы (Болоховской земли) на основаніи данныхъ лѣтописей, мы встрѣчаемся, говоритъ г. Молчановскій, съ цѣлымъ рядомъ произвольныхъ толкованій, выводы изъ которыхъ, поэтому, далеко не кажутся убѣдительными“ (стр. 121). „Полной точности въ вопросѣ, лишенномъ всякихъ прочныхъ данныхъ, и требовать невозможно; но даже приблизительная истина вывода г. Дашкевича можетъ быть подвергнута сильному сомнѣнію: въ данномъ случаѣ лѣтопись заставляютъ говорить то, чего она на самомъ дѣлѣ не говоритъ. Всѣ приведенные г. Дашкевичемъ въ подтвержденіе своихъ словъ тексты или ровно ничего не говорятъ (sic), или же нуждались бы въ новыхъ подтвержденіяхъ, чтобы имѣть какое-либо серьезное значеніе; произволь въ толкованіи авторомъ данныхъ лѣтописи бьетъ въ глаза, и не замѣтить его трудно“ ¹⁾. „У г. Дашкевича источникъ неопредѣленный впередъ рѣшаетъ все дѣло: остается только примирить мнимыя опредѣленія лѣтописи съ показаніями картъ. Понятно, что пріемъ этотъ не можетъ имѣть значенія въ виду основной несообразности“ ²⁾.... „оказывается, что Болоховская земля занимала обширную область чуть-ли не изъ пяти нынѣшнихъ уѣздовъ. Пріемъ, благодаря которому сдѣланъ такой выводъ, очень несложенъ, но именно потому и самый выводъ далеко не кажется убѣдительнымъ. Я рѣшительно затрудняюсь признать правильность вывода г. Дашкевича, такъ какъ мнѣ кажется, что онъ придалъ слишкомъ опредѣляющее значеніе даннымъ лѣтописи, отличающимся крайней неопредѣленностью“ ³⁾. И т. д.

Итакъ, г. Молчановскій признаетъ прежде всего неудовлетворительнымъ самый методъ, въ которому мы обратились, рѣшая вопросъ, и думаетъ, что мы позволили себѣ дѣлать изъ лѣтописи выводы, на которые она не даетъ права, и допустили цѣлый рядъ произвольныхъ толкованій: лѣтописныя данныя, при сопоставленія съ современной и старой топографической номенклатурой, оставляютъ изслѣдователя, по

¹⁾ Стр. 125.

²⁾ Ibid.

³⁾ Стр. 126.

мнѣнію г. М., въ неизвѣстности, потому что неопредѣленны и не даютъ указанія, къ какимъ изъ многочисленныхъ мѣстностей, носящихъ названія, напоминающія Болоховскіе города, приурочить эти послѣдніе. Выходитъ какъ бы, что всѣ, до г. М., писавшіе объ этомъ предметѣ фантазировали и давали просторъ произвольнымъ догадкамъ.

Мы думаемъ однако, что г. М. зашелъ слишкомъ далеко въ своемъ скептицизмѣ и напрасно старается убѣдить читателя, что ничего не видно изъ того, что однако видно всякому не закрывающему умышленно глазъ, а равно не принадлежащему къ категоріи тѣхъ, которые очи имѣютъ—и не видятъ, уши имѣютъ—и не слышатъ.

Во избѣжаніе растянутаго изложенія мы не станемъ приводить въ подлинникѣ мѣста лѣтописи, гдѣ находимъ упоминанія о Болоховѣ и Болоховцахъ и о Божскомъ и отсылаемъ читателей къ упомянутой нашей монографіи, гдѣ собраны эти мѣста. Здѣсь ограничимся разборомъ этихъ мѣстъ съ точки зрѣнія ихъ опредѣленности. Намъ они кажутся совершенно ясными, если ихъ *не выдергивать каждое порознь*, а сопоставлять рядомъ и въ связи со всѣми лѣтописными данными по топографіи южной Руси XII—XIII вв. Эти послѣдніе для юго-западной Руси, т. е. для западныхъ и сѣверныхъ частей земель галицкой и волынской, весьма обстоятельны, и человекъ, хорошо знакомый съ исторіею тѣхъ краевъ по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, даже не станетъ понимать вопросъ о томъ, не тамъ ли была Болоховская земля. Будь Болоховскіе города въ сѣверной и средней Волыни (разумѣемъ древнюю Волынь), они были бы неоднократно названы лѣтописью XII в., подробно говорящею о Волынскихъ событіяхъ, между тѣмъ лѣтопись до XIII в. назвала лишь Божскій да Болохово, которое не можетъ быть признано городомъ. Галицко-волынская лѣтопись сообщаетъ не мало данныхъ, по которымъ можно установить топографію юго-запада въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ XIII вѣка и размѣръ владѣній Романовичей, и не оставляетъ мѣста въ сѣверной, сѣверо-восточной и западной Волыни (о собственно Галицкой землѣ и не говоримъ), гдѣ бы можно былъ помѣстить Болоховскую землю, не парушая смысла лѣтописныхъ указаній. Таковъ отрицательный, опредѣленный выводъ, который вытекаетъ изъ общаго изученія лѣтописей XII—XIII вв.: Болоховцамъ нельзя удѣлить мѣста въ сѣверной и западной Волыни; остается юго-восточная окраина, гдѣ могли сѣять пшеницу и просо, и поиски должны быть начинаемы съ того пункта въ восточномъ и южномъ направленіяхъ. Эти поиски едва ли бы увѣнчались

рѣшительнымъ успѣхомъ, если бы сама лѣтопись не оставила намъ одного прямого и вполне яснаго указанія—разумѣемъ мѣсто галицко-волинской лѣтописи подъ 1257 г., гдѣ читаемъ разсказъ о томъ, какъ Даниилъ „воздвиже рать противу Татаромъ.“ Военныя дѣйствія противъ татаръ, т. е. завоеваніе подавшихся послѣднимъ русскихъ земель, начались взятіемъ Межибожья, послѣ чего „воевахуть людье Данилови же и Василкови Болоховъ, а Лвови Побожье и люди Татарьскыя.“ Съ наступленіемъ весны были взяты „Городокъ и Сѣмоць и всѣ города, сѣдящія за Татары, Городескъ и по Тетереви до Жедечева.“ Послѣ покоренія Шварномъ атихъ городовъ, явились къ Данилу съ изъявленіемъ покорности „Бѣлобережцѣ и Чарнятинци и вси Болоховци.“ Только жители Возвягля (нынѣшняго Новоградъ—Волинска) солгали и вновь отложились, и, затѣявъ дальнѣйшій походъ къ Днѣпру, Данило назначилъ мѣстомъ соединенія съ литовскимъ вспомогательнымъ отрядомъ Возвягль, который и былъ взятъ ¹⁾.—Обращаемся къ безпристрастному мнѣнію читателей и просимъ рѣшить: уясняетъ ли это мѣсто лѣтописи мѣстоположеніе Болохова, или же слова лѣтописи „не опредѣленны“? Намъ они кажутся прямо свидѣтельствующими о томъ, что Болохово ²⁾ находилось въ предѣлахъ земель, подавшихся татарамъ, начинавшихся съ Межибожья и танувшихся на востокъ отъ владѣній Даниила ³⁾. Лѣтописецъ отличалъ Болохово отъ Побожья, но оно могло соприкасаться съ

¹⁾ Ип., 555—556.

²⁾ Названіе Болоховъ (о) въ лѣтописи, повидимому, обозначало не городъ, но цѣлую мѣстность. На это какъ бы указываетъ не только упоминаніе о немъ въ лѣтописи подъ 1150 г. („приде Изяславу вѣсть, оже Володимиръ *перешель Болохово*, идетъ мимо Мунаревъ къ Володареву“; Ип. 278; ср. тамъ-же: „Володимиръ идетъ черезъ Перепетово“), объединеніе князей группы Болоховскихъ городовъ общимъ названіемъ Болоховскихъ, отсутствіе города Болохова въ ряду Болоховскихъ городовъ, разоренныхъ Даниломъ, между тѣмъ какъ, если бы то былъ главный городъ, сообщившій названіе всей мѣстности, онъ былъ бы упомянутъ подъ 1241 г., наконецъ характеръ лѣтописнаго извѣстія подъ 1257 г. („*воевахуть* Болоховъ“ и т. п.).

³⁾ Съ востока владѣнія Даниила предъ движеніемъ его противъ татаръ и въ моментъ этого похода замыкались Кременцемъ (Ип., 550) и Бакотою (Ип., 549—550); въ средней Волини Данилу принадлежалъ Турійскъ (Ип., 544) и Луцкъ (Ип., 556). Даниломъ были укрѣплены противъ татаръ Даниловъ, Истожекъ, Кременецъ, Луцкъ; Шумскъ, повидимому, также находился недалеко отъ восточныхъ границъ (Ип. 562). Ср. позднѣйшія указанія, напр. о Дубнѣ (Ип., 596).

послѣднимъ. Изъ указаннаго мѣста лѣтописи видно, далѣе, что Болоховцы были подчинены одновременно съ Городкомъ, Сѣмодемъ, Городескомъ ¹⁾ и мѣстностями по Тетереву до Жедечева ²⁾ и явились съ изъявленіемъ покорности вмѣстѣ съ Бѣлобережцами и Чарнятинцами; не сдержали слова о покорности лишь Возвягляне. На основаніи послѣдняго сообщенія мы вправе сказать, что Болохово не простиралось на востокъ за Тетерева, и предположить, что оно было между Межибожьемъ и ливіей городовъ, расположенныхъ по верховьямъ Тетерева, потому что иначе были бы взяты сначала эти послѣдніе. Возвягль является однимъ изъ сѣверныхъ городовъ отпавшихъ отъ Данила, но не составлялъ одной территоріи съ Болоховскою, потому что пытался сопротивляться Данилу въ то время, когда Болоховцы подчинились; съ юга Болохово не могло спускаться ниже Побожья.

Итакъ, вотъ что говорятъ одно изъ мѣстъ лѣтописи, проливающихъ свѣтъ на мѣстность, въ которой *должно* отыскивать древнее Болохово. Это мѣсто становится еще яснѣе въ связи съ другими лѣтописными упоминаніями. То, что Болохово примыкало къ кievской землѣ съ юго-запада, а не съ сѣверо-запада, видно также изъ мѣста лѣтописи подъ 1150 г., которое совершенно пройдено молчаніемъ у г. Молчановскаго (это одинъ изъ образчиковъ его научной осмотрительности), а между тѣмъ оно подтверждаетъ наше мнѣніе, что Болохово не могло быть въ предѣлахъ средней Волыни: Владимірко прошелъ черезъ Болохово, сѣдла изъ Галича въ Кіевъ на помощь Юрію и двигаясь, очевидно, съ юго-запада.

Нельзя сказать, что „дорога изъ Галича къ Кіеву шла черезъ Волынскіе города и не отклонялась на ютъ къ Бугу“ ³⁾. Разказы

¹⁾ Напрасно г. М. говоритъ, что мѣстоположеніе Городеска неизвѣстно: это теперешній Городскъ Радомысльскаго уѣзда на р. Тетерева, гдѣ уцѣлѣли остатки старинныхъ укрѣпленій.—Гдѣ былъ Сѣмоць, также приблизительно извѣстно. Ип. 380.

²⁾ Въ XII столѣтіи по Тетереву жили, повидимому, дружинники. Изяслава Мстиславича у Мичьска (теперь Радомысль) „усрѣгоша дружина многое множество, иже сѣдяхуть по Тетереви.“ (Ип., 286). Объ остаткахъ укрѣпленій по Тетереву см. М. Grabowskiego, *Ukraina dawna i terazniejsza*, Kijów, 1850, 90—91.

³⁾ Г. Молчановскій, стр. 76, такимъ аргументомъ старается опровергнуть тождественность Божскаго, лежавшаго на пути Владимірка изъ Галича въ Кіевъ въ 1151 г., съ Божскимъ, который упоминается рядомъ съ Межибожьемъ.

лѣтописей о походахъ кievскихъ князей на галицкаго князя въ XII столѣтiи, о походахъ Владимiрка въ Кiеву и о прямыхъ сношенiяхъ Галича и Кiева ¹⁾ показываютъ, что прямой путь изъ Галича въ Кiевъ вслѣ не только чрезъ среднюю Волынь, но и южнѣе, быть можетъ, на тотъ Божскiй, который упоминается въ лѣтописи нѣсколько разъ рядомъ съ Межибожьемъ и Котельницей ²⁾.

Не будемъ касаться другихъ мѣстъ лѣтописи, которыя имѣютъ рѣшающее значенiе въ виду приведенныхъ двухъ. Замѣтимъ лишь въ заключенiе разсмотрѣнiя вопроса объ опредѣленности указанiй лѣтописи на мѣстоположенiе Болохова, что не мы одни признали совершенно ясными эти свидѣтельства лѣтописи. Вполнѣ опредѣленными считалъ ихъ и такой осторожный изслѣдователь, какъ покойный И. Д. Бѣляевъ, извѣстный тщательностью своихъ изысканiй и не любившiй прибѣгать къ насильственному толкованiю лѣтописей. Замѣчательно, что въ статьѣ своей „О географическихъ свидѣнiяхъ въ древней Россiи,“ ³⁾ съ которою мы не были знакомы при составленiи нашей монографiи о Болоховцахъ, Бѣляевъ высказалъ мнѣнiе, въ общемъ не противорѣчающее нашему: онъ только значительно удлинилъ на югъ Болоховскую землю и допустилъ ошибки въ частныхъ приуроченiяхъ нѣкоторыхъ городовъ, названныхъ лѣтописью.

На основанiи всего сказаннаго мы и прежде считали и теперь признаемъ вполнѣ возможнымъ возстановить по показанiямъ лѣтописей общiя очертанiя древней Болоховской земли и линiи со всѣхъ четырехъ сторонъ, далѣе которыхъ она не могла простираться. Опредѣливъ границы Болохова на основанiи лѣтописи, которая не оставила насъ въ этомъ случаѣ въ безпомощномъ состоянiи, мы сочли себя вправѣ отыскивать въ частности древнiе Болоховскiе города лишь въ предѣлахъ, установленныхъ на основанiи лѣтописи, на пространствѣ

¹⁾ Извѣстное мѣсто лѣтописи о смерти Владимiрка, сообщающее, что посольство Изяслава, возвращавшiйся изъ Галича въ Кiевъ, ночевалъ въ Болшевѣ (Ип., 319; ср. Шараневича Изслѣдованiе на пути отечественной географiи и исторiи, Льв. 1869, стр. 87) не имѣетъ значенiя вслѣдствiе близости Болшева къ Галичу.

²⁾ Ср. у г. Молчановскаго стр. 70—76: онъ самъ пользуется мѣстами лѣтописи, говорящими о походахъ чрезъ мѣстности къ югу отъ средней Волыни.

³⁾ Записки Имп. Р. Геогр. Общ., кн. VI, 1852, стр. 148—152,

извѣстной территоріи. Мы провѣрили потомъ выводъ изъ лѣтописныхъ сообщеній данными современной топографической номенклатуры и въ послѣдней нашли полное подтвержденіе заключеній, къ которымъ приводитъ лѣтопись.

Г. Молчановскій рекомендуетъ иной способъ изслѣдованія. На лѣтопись, по его мнѣнію, нечего полагаться, потому что она не даетъ ничего для рѣшенія вопроса о мѣстѣ, которое занимала Болоховская земля. Съ другой стороны, есть немало населенныхъ мѣстъ, названія которыхъ напоминаютъ названія Болоховскихъ городовъ или совершенно сходны съ послѣдними. Г. Молчановскій обращаетъ особенное вниманіе на это обстоятельство и, стараясь пополнить представленный нами въ нашей монографіи списокъ такихъ мѣстъ, приводитъ цѣлый рядъ именъ. Г. Молчановскій включилъ въ свой перечень тѣ названія, на которыя мы указывали, и приводитъ цѣлый рядъ совершенно неподходящихъ: какое, напр., можетъ быть отношеніе названій Буще, Будяки, Будячево къ Кобуду, или Бальковцовъ къ Болохову? и т. п. Набирая подобныя названія, можно бы еще увеличить ихъ перечень, въ особенности—пользуясь списками населенныхъ мѣстъ всѣхъ губерній южной Руси (въ томъ числѣ и Галичины) и Польши на томъ основаніи, что лѣтописью де стѣсняться нечего—она ничего опредѣленнаго не говоритъ—и Болоховцы „*быть можетъ*“ переходили на другія мѣста, чѣмъ по всей вѣроятности (sic) и слѣдуетъ объяснить существованіе множества мѣстностей, напоминающихъ именемъ Болоховскіе города и разсыпанныхъ по всей южной и средней Волини, восточной Галиціи и порубежныхъ мѣстностяхъ нын. Польши¹⁾. Почему бы на этомъ основаніи не прихватить и Чехіи? Вѣдь и тамъ находимъ Болоховъ, Божковъ, Божковице, Градковице, Градешинъ, Градешнице, Kobasice (?), Губовъ, Губеновъ, Дѣдковъ, Семечъ, Семичче и т. п.

Существованіе въ различныхъ мѣстностяхъ названій, напоминающихъ Болоховскіе города, въ которомъ не найдетъ ничего удивитель-

¹⁾ Стр. 120. На стр. 125 г. Молчановскій готовъ на основаніи повторенія одинаковыхъ названій въ различныхъ мѣстахъ предположить, что „крошъ федераціи семи городовъ существовали еще и другія, особныя, табувшія врозь Болоховскія поселенія“.

наго человекъ, знакомый съ образованіемъ именъ поселеній, смущаетъ г. Молчановскаго, и онъ не разъ приводитъ выписки изъ *Limites inter regnum Poloniae ac Magn. Duc. Lit.* съ указаніемъ подобныхъ названій, видимо не зная, которымъ отдать предпочтеніе и гдѣ искать Болоховскихъ городовъ: въ Дрогицкомъ ли повѣтѣ, который г. Молчановскій почему-то готовъ назвать „среднею Волыню“ ¹⁾, въ Ратненскомъ ²⁾, на границахъ Кременецкаго и Луцкаго повѣтовъ ³⁾, или же, наконецъ, на Подольѣ ⁴⁾.

Между тѣмъ, хорошо изучивъ всѣ свидѣтельства лѣтописи и познакомившись съ исторической географіей земель Галицкой, Волынской и Кіевской, невозможно колебаться и можно спокойно освободить себя отъ труда бродить по широкому пространству отъ литовскаго пограничья и Припяти (!) до южныхъ окраинъ Подолья; можно съ спокойною совѣстью признать излишней въ данномъ случаѣ гоньбу за именами рѣкъ, урочищъ, поселеній, сколько нибудь сходными съ названіями Болоховскихъ городовъ. Руководясь лѣтописью, мы и оставили въ сторонѣ мѣстности сѣверной окраины Волини, на которыя указывалъ первоначально Карамзинъ, а равно и южное Подолье. Г. же Молчановскій для увеличенія трагизма изслѣдователя, который вздумалъ бы полагаться на лѣтопись и современную номенклатуру, привелъ цѣлый рядъ выписокъ изъ Догьеля и заключаетъ ихъ словами: „не мое дѣло входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, гдѣ именно могла находиться Болоховская земля: съ одними географическими терминами и ничего не говорящими указаніями лѣтописи въ рукахъ, невозможно прийти къ положительному результату“ ⁵⁾.

Г. Молчановскій возлагаетъ всю надежду на археологическія изысканія. „Пока изысканія эти не будутъ произведены, до тѣхъ поръ вопросъ о территоріи Болоховскихъ расселеній будетъ оставаться открытымъ“ ⁶⁾. Другими словами: для рѣшенія вопроса о Болоховскихъ

¹⁾ Стр. 124.

²⁾ Стр. 129.

³⁾ Стр. 130—131.

⁴⁾ Стр. 131.

⁵⁾ Стр. 131.

⁶⁾ Стр. 126.

городахъ надо посмотрѣть, нѣтъ ли остатковъ старинныхъ сооружений во множествѣ одноименныхъ мѣстностей отъ границъ Польши до срединной полосы Кіевской губерніи, и отъ Припяти до южнаго Буга. Надо прослѣдить это пространство шагъ за шагомъ, авось найдутся еще не отмѣченныя въ географическихъ указателяхъ названія урочищъ. Весьма вѣроятно, что, при такомъ изслѣдованіи, списокъ г. Молчановскаго былъ бы обогащенъ цѣлымъ рядомъ новыхъ именъ, въ особенности при старательномъ сборѣ самыхъ отдаленныхъ отъ первичной формы вариантовъ и даже лишъ нѣскольکو похожихъ на нее. Но интересно было бы знать, какія г. Молчановскій порекомендовалъ бы средства выбратся изъ такого лабиринта именъ, если бы оказались остатки старинныхъ сооружений въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ одного имени, что случилось при отысканіи, напр., древняго Торческа. Вѣдь даже съ лѣтописью въ рукахъ спорять о Торчeskѣ, а что было бы, если бы мы, не надѣясь на лѣтопись, пустились въ розыски безъ нея? И не извѣстно ли, далѣе, что въ древней Руси было немало городовъ, имена которыхъ до насъ не дошли? Знаемъ ли мы особенности культуры Болоховцевъ, по которымъ были бы вправѣ усвоить послѣднимъ то или иное городище безъ всякихъ колебаній? Осталось бы развѣ утѣшаться предположеніемъ г. Молчановскаго, что „кромѣ федераціи семи городовъ, существовали еще и другія, особныя, тянувшія врозь Болоховскія поселенія,“ и эти особныя поселенія были разбросаны по разнымъ угламъ южной Руси. Прибавимъ, что нѣкоторыя изъ Болоховскихъ городищъ могли и не уцѣлѣть, потому что, по словамъ лѣтописи, Даніилъ „урбля ихъ (т. е. Болоховцевъ) раскопа“¹⁾. Зная химерность подобныхъ поисковъ, мы воздержались отъ разыскиванія Мамбренова шлема. Не отрицая значенія археологическихъ данныхъ, мы думали, что подобныя данныя получаютъ цѣну лишь по критическомъ сопоставленіи лѣтописныхъ свидѣтельствъ и для подкрѣпленія послѣднихъ, а не наоборотъ.

Когда мы писали нашу монографію, намъ были извѣстны преданія нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, къ которымъ мы приурочили Болоховскіе города, и остатки старинныхъ сооружений въ тѣхъ мѣстахъ²⁾.

¹⁾ Ип., 526.

²⁾ См., напр., „Княженіе Даніила Галицкаго,“ стр. 51. Ср. „Болох. з.“

Аргументъ г. Молчановскаго, надѣмся, окажется совершенно въ нашу пользу, когда мы приведемъ эти данныя о выдѣленныхъ нами мѣстностяхъ, бывшія намъ прежде извѣстными или же ставшія извѣстными по напечатанію нашего реферата. Они вполнѣ подтверждаютъ наши соображенія, выведенныя изъ изученія лѣтописей, и вполнѣ согласны съ послѣдними. На стр. 16—17 нашей монографіи о Болоховской землѣ мы указали на нынѣшнія селенія Деревичи и Губинъ Волынской губерніи и Кудинву, Дьяковцы и Божиковцы Подольской, какъ на соотвѣтствующія на нашъ взглядъ лѣтописнымъ Деревичу, Губину, Кудину и Божскому. Представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ этихъ мѣстностяхъ. Въ полуверстѣ отъ с. Деревичъ и въ 1 верстѣ отъ с. Купчинецъ находится огромное, старое, четырехъ-угольное городище, на возвышенномъ мѣстѣ, съ Е. W. и S. окруженномъ ручьемъ. Каждая сторона длиною въ 900 сажень. Съ W. N. и E. оно окружено тройнымъ валомъ и рвомъ, а съ S. двойнымъ. Входъ съ N ¹⁾. Преданіе с. Деревичъ о Бонякѣ, возводящее къ до-монгольскому времени, напечатано ²⁾.—Въ 1 верстѣ отъ с. Губина, по направленію къ с. Ладыгамъ, на высомъ берегу Случи находится круглое городище. Въ немъ двѣ площади. Въ первой діаметры 205—165 шаговъ и окружность 371, въ второй діаметры 230—198 шаговъ, окружность 428 шаговъ. Сохранились валы и рвы. Входъ съ E. Распахивается ³⁾.—

стр. 16 и Барсова „Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи.“

¹⁾ Донесеніе Деревичскаго волостнаго правленія—въ Волынскомъ статистическомъ комитетѣ. Деревичъ „въ Луцкомъ повѣтѣ, въ державѣ Полонской“ упоминается въ грамотѣ Свидригайла 1438 г. Рукопись библ. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1802, л. 51.

²⁾ Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія и рассказы, Кіевъ, 1876, стр. 224—225. О преданіяхъ другихъ мѣстностей о Бунякѣ см. Труды ком. для ист.—статист. описанія Под. Еп., I, VI; „Кіевск. Стар.“ 1884, № 5, „Путевые очерки Подоля“, стр. 14; А. А. Котляревскаго рецензія на „Историч. пѣсни Малорусскаго народа“, стр. 8. Ср. П. В. Голубовскаго „Печегъги, Торки и Половцы до нашествія татаръ“, Кіевъ, 1884, стр. 238—239. Съ преданіемъ о Бонякѣ интересно сопоставить названія Кудинъ, Кобудъ.

³⁾ Донесеніе Райковской волости.

О городищѣ Кудинки имѣется подробное свѣдѣніе въ печати, къ которому мы и отсылаемъ читателей ¹⁾. Въ примѣчаніяхъ редакціи къ этому описанію валовъ с. Кудинки, устроенныхъ амфитеатромъ, читаемъ: „Несомнѣнно по изслѣдованнымъ повинѣ городищамъ, что тѣ изъ нихъ, которыя состоятъ, подобно описываемому, изъ нѣсколькихъ концентрическихъ колець валовъ, относятся хронологически къ княжескому періоду русской исторіи (X—XIII ст.). О томъ, что лѣтописный Кудинъ находился на мѣстѣ описываемаго авторомъ села Кудинки, было высказано предположеніе, обставленное весьма вѣскими доводами, въ сочиненіи г. Дашкевича: „Болоховская земля.“ Описываемые авторомъ валы и ихъ характерное очертаніе подкрѣпляютъ еще однимъ, новымъ доказательствомъ предположеніе г. Дашкевича.“— Говоря, что Дьяковцы Литинскаго уѣзда стоятъ, можетъ быть, на мѣстѣ лѣтописнаго Дядькова²⁾, мы замѣтили, что „на этомъ послѣднемъ сближеніи мы не настаиваемъ“ ²⁾. Главнымъ поводомъ къ сомнѣнію служить неполная тождественность названій, происхождение ихъ отъ различныхъ корней, которое мы видѣли и безъ г. Молчановскаго, но съ другой стороны, нѣтъ другаго пункта въ мѣстностяхъ, гдѣ по лѣтописи была Болоховская земля, къ которому можно бы приурочить древній Дядьковъ. Теперь, вотъ что намъ написалъ М. В. Симашкевичъ, которому приносимъ благодарность за это и за нѣкоторыя другія сообщенія, приведенныя ниже: „Обдумавши всесторонне и справившись также всесторонне въ источникахъ, я нахожу, что, кромѣ Дьяковецъ, нѣтъ другой мѣстности, къ которой можно было бы приурочить Болоховскій городъ Дядьковъ. Еще въ 1442 г. нѣкто Сенько Ко—вскій получилъ отъ короля Владислава ленное право на села Дьяковцы и Осиновцы (нынѣ село Кусиновцы): значитъ, Дьяковцы существовали еще въ первой половинѣ XV вѣка; съ 1442 года владѣтели этого села стали называться Дьяковскими, о которыхъ писалъ Нѣсецкій. По преданію это село было большимъ городомъ.“—Изъ указанныхъ нами пунктовъ остается еще сказать нѣсколько словъ о Божскомъ. Г. Молчановскій неоднократно возвращается къ этому городу, стараясь

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1882 г., іюнь: „Земляные валы близъ с. Кудинки.“

²⁾ „Болоховская земля,“ стр. 16.

доказать необоснованность нашего предположенія, что Божскій, упоминаемый въ лѣтописяхъ XII в.,— тотъ самый, который лѣтопись XIII в. помѣстила въ число Болоховскихъ городовъ. Г. Молчановскій силится также увѣрить, что нѣтъ основаній помѣщать Божскій у р. Бога. Г. Молчановскому необходимо было доказать этотъ тезисъ, чтобы подтвердить свое мнѣніе, что Болоховская земля совсѣмъ не доходила съ юга до р. Бога. Разсужденія г. Молчановскаго объ этомъ, по обычаю, весьма многословны. Мы ограничимся на этотъ разъ замѣчаніемъ, что удѣль, состоявшій изъ Божскаго, Межибожья, Котельницы и двухъ другихъ какихъ-то городовъ въ XII в., долженъ былъ представлять цѣльную, а не чрезполосную территорію, и потому Божскій 1147 и 1148 годовъ во всякомъ случаѣ не былъ слишкомъ удаленъ отъ Межибожья. Далѣе, не видимъ основаній, по которымъ слѣдовало бы отличать Божскій 1152 г. отъ только что названнаго Божскаго. Если же такъ, то нѣтъ надобности предполагать нѣсколько Божскихъ и думать, что лѣтопись на разстояніи небольшого періода говорила о нѣсколькихъ одновременныхъ городахъ, бывшихъ невдалекѣ одинъ отъ другаго, ничѣмъ ихъ не различая. Совершенно излишне безъ всякаго повода сомнѣваться въ томъ, что Божскій XII в., который, по всѣмъ соображеніямъ, находился невдалекѣ отъ Межибожья, вошелъ въ XIII в. въ число городовъ Болоховскихъ. Впадая въ подобныя сомнѣнія, можно раздвоить и растроить и нѣкоторые другіе города, упоминаемые въ лѣтописяхъ.—Божскій Болоховской земли мы помѣстили на мѣстѣ нынѣшняго селенія Божиковецъ Летичевскаго уѣзда. По этому поводу г. Молчановскій замѣчаетъ: „Разыскивая этотъ таинственный городъ, г. Дашкевичъ рѣшается остановиться на с. Бозиковцахъ (?) ¹⁾ Летичевскаго уѣзда, къ юго-западу отъ Межибожья, недалеко отъ р. Буга. Но какимъ образомъ независимое Межибожье попало въ среду Болоховскихъ владѣній, которыя, какъ утверждаетъ самъ г. Дашкевичъ, не могли идти далѣе Межибожья? Если владѣнія эти не могли идти далѣе Межибожья, то не легко понять, какимъ образомъ могли они захватить Бозиковцы“ ²⁾. Авторъ, повидимому, думаетъ, что въ XIII в. границы отмежевывались

¹⁾ Г. Молчановскій неудачно поправилъ въ этомъ случаѣ совершенно правильно прописанное у насъ названіе Божиковцы.

²⁾ Стр. 126.

прямыми линіями по картѣ и не могли тянуться ломанными линіями. При томъ характерно, что Межибожье примыкало къ движенію, которое проявилось въ Болоховскихъ городахъ и было направлено противъ Даніила ¹⁾. Любопытно далѣе, что къ сѣверу отъ Межибожа существуетъ селеніе *Болоховцы* ²⁾. Въ изданномъ недавно г. Прохаской кодексѣ дипломатической переписки Витовта напечатанъ актъ 1395 г., въ которомъ упомянутъ городъ Божскій, и это указаніе разъясняетъ положеніе Божскаго XIII в. ³⁾. Если сомнѣваться въ тождествѣ этихъ Божскихъ, то на такомъ же основаніи можно сказать, что и Межибожье XIV в. не преждее.

Въ дополненіе къ тому, что было сказано нами прежде о Бѣлобережѣ и Чернятинѣ, приведемъ сообщеніе М. В. Симашкевича о мѣстностяхъ этого названія въ Подольской губерніи. Въ Литинскомъ уѣздѣ есть село Чернятинцы, „съ сѣверовосточной стороны котораго доселѣ существуютъ бугры, извѣстные въ народѣ подъ названіемъ „замчица“, о которомъ, кромѣ названія, у мѣстныхъ жителей не сохранилось никакихъ преданій, что уже и само по себѣ служить немаловажнымъ доказательствомъ глубокой древности.“ Въ томъ же уѣздѣ, къ югу отъ м. Межарова, вблизи с. Чернятепецъ есть м. Чернятинъ.

Приведенныя данныя о мѣстностяхъ, въ которыхъ мы помѣщали древніе Болоховскіе города, въ особенности болѣе подробныя свѣдѣнія о Деревичахъ, Губинѣ и Кудинкѣ ⁴⁾, думаемъ, показали, что археологическія разысканія подтвердили вѣрность нашего мнѣнія, и скептической черезъ-чуръ критикѣ можетъ нѣсколько успокоиться (вполнѣ — не можетъ, потому что никто еще не проѣхалъ и не изслѣдовалъ всѣхъ урочищъ и остатковъ старины указаннаго имъ пространства).

Мы разсмотрѣли мнѣніе г. Молчановскаго о методѣ, которому должно слѣдовать при рѣшеніи вопроса, о мѣстности Болоховской земли, и его соображенія о послѣдней. Въ этихъ разсужденіяхъ мы

¹⁾ Ип., 515 (ср. стр. 95 у самого г. Молчановскаго) и 555.

²⁾ Ср. ст. Бѣляева въ „Запискахъ И. Р. Геогр.“ Общ. VI (1852), 149 и 151.

³⁾ Ср. у г. Молчановскаго стр. 14 и 155.

⁴⁾ О томъ, имѣются ли остатки старинныхъ укрѣпленій въ Божиковцахъ, мы не успѣли добыть свѣдѣнія.

не встрѣтили никакихъ новыхъ цѣнныхъ соображеній и указаній. Нагромоздивъ кучу именъ, г. Молчановскій не пришелъ ни къ какому опредѣленному выводу, добровольно отрекшись отъ путеводства лѣтописи и дожидаясь археологическихъ данныхъ, и, вѣроятно, оказался бы въ еще болѣе трагическомъ положеніи, еслибы таковыя данныя открылись въ нѣсколькихъ далекихъ одно отъ другаго мѣстахъ. Большинство матеріала для возраженій можно было взять изъ нашихъ же работъ. Оставалось лишь переставлять указанные нами или же намѣченные факты и располагать ихъ въ иныхъ комбинаціяхъ, обставляя ихъ на каждомъ шагѣ сомнѣніями, которыя такъ легко представляются въ подобныхъ вопросахъ, въ особенности человѣку, не вполне знакомому съ предметомъ. Въ представленіяхъ г. Молчановскаго не видно ясности, и онъ самъ не увѣренъ въ неправильности нашего мнѣнія. Такъ, на стр. 123 онъ говоритъ: „Г. Дашкевичъ не представилъ никакихъ основаній, которыя убѣдили бы насъ, что Божскій 1100 и послѣдующихъ годовъ тождественъ съ Божскимъ Болоховской земли, хотя въ самомъ предположеніи объ этой тождественности нѣтъ ничего невозможнаго. На стр. 126 читаемъ: „Охотно признаю, что у насъ нѣтъ основаній, по которымъ мы могли бы рѣшительно отвергнуть мнѣніе о томъ, что часть Болоховской земли захватывала территорію позднѣйшаго Подолья“ и т. п.

Еще разительнѣе поверхностность скепсиса и критики г. Молчановскаго во второмъ основномъ вопросѣ относительно Болоховцевъ, въ вопросѣ о происхожденіи Болоховскихъ князей.

Г. Молчановскій вычиталъ въ обѣихъ нашихъ монографіяхъ указаніе на фразу галицко-волинской лѣтописи: „бѣ бо с королевичемъ Олександръ и Глѣбъ Зеремиевичъ, *инии князи* Болоховьскіи и Угоръ множество“ ¹⁾ и на возможность толкованій ея, отличныхъ отъ того, которое мы предпочли. Г. критикъ пустился въ развитіе одного изъ намѣченныхъ и въ то же время отвергнутыхъ нами толкованій, закрываясь авторитетомъ Н. И. Костомарова, который однако отказался въ позднѣйшее время отъ признанія Болоховскихъ князей галицкими боярами.—Г. Молчановскій совершилъ замѣчательное открытіе въ лѣтописи, которую столько разъ читали всѣ другіе, не замѣчая прямого,

¹⁾ Ип., 511.

ю мнѣнію г. Молчановскаго, указанія ея на личность одного изъ Болоховскихъ князей, именно боярина Глѣба Зеремѣвича. Къ сожа-
лѣнію, открытіе г. Молчановскаго нисколько не приблизило къ новому
рѣшенію вопроса, потому что чрезъ двѣ страницы лѣтописи Глѣбъ
Зеремѣвичъ, котораго г. Молчановскій призналъ Болоховскимъ кня-
земъ, вышедшимъ изъ бояръ, вновь оказывается бояриномъ, да еще
вдобавокъ жительствовавшимъ въ Галичѣ, и въ упоминаніи о немъ лѣ-
тописи встрѣчаемъ тоже, введшее г. Молчановскаго въ заблужденіе,
выраженіе *ими* ¹⁾. Г. Молчановскій самъ, повидимому, признавалъ
шаткость своихъ построений. „Замѣчу, впрочемъ, говоритъ онъ, что
выраженіе *Ип. лѣт. „нии князи Болоховьскіи“* не можетъ само по
себѣ служить опорой для этого мнѣнія, если „нии“ понимать въ
смыслѣ „нѣкоторые“ (ср. *Ип. л. подъ 1162 г.: „нии тако молвахуть“*).
„Вообще утверждать *положительно*, что Бол. князья произошли отъ
бояръ, *нѣтъ никакой возможности*“ ²⁾.

Таковы новые матеріалы и новыя комбинаціи, предлагаемые г.
Молчановскимъ. Мы ограничились, при разборѣ ихъ, самыми суще-
ственными доводами г. Молчановскаго, разсмотрѣвъ три основныя мнѣ-
нія его: 1) о *методѣ* рѣшенія вопроса и о лѣтописныхъ данныхъ, 2)
касательно *мѣстности*, въ которой жили Болоховскіе князья, и 3) каса-
тельно *происхожденія* послѣднихъ ³⁾. Сказаннаго, полагаемъ, достаточнo

¹⁾ „Иступи Глѣбъ Земерѣвичъ отъ королевича к Данилови. Данилъ
же и Василко и одна поидоста к Галичю, стрѣтоша и *болшаа половина*
Галичи: Доброславъ и Глѣбъ, *ими бояре* мнози.... и приа землю Галичъ-
скую и розда города бояромъ и воеводамъ.... Михаилови же (и) Ивяславу
одинако не престающа на нь враждою, оставилъ (Данилъ) у него Глѣба
Зеремѣича и Мирослава, *ими бояре* многы“... *Ип.*, 514.

²⁾ Стр. 114.

³⁾ Въ нашей монографіи о Болоховской землѣ мы говорили еще весьма
подробно о значеніи Болоховцевъ въ южно-русской исторіи. Г. Молчанов-
скій призналъ совершенно несостоятельнымъ наше мнѣніе и объ этомъ.
Входитъ въ разсмотрѣніе этого отдѣла критики г. Молчановскаго мы не
будемъ въ настоящей статьѣ, потому что мы предположили разобрать здѣсь
лишь мнѣнія о мѣстности Болохова и о происхожденіи его князей, а вопросъ
о значеніи Болоховцевъ въ южно-русской исторіи отвлекъ бы насъ въ об-

для характеристики приѣмовъ г. Молчановскаго. Мы воздержались отъ частнаго и подробнаго указанія ошибокъ и промаховъ, которыми страдаетъ работа г. Молчановскаго: мы считаемъ подобное указаніе излишнимъ въ настоящемъ случаѣ, потому что оно не относится къ существеннымъ задачамъ настоящей статьи и заняло бы много мѣста; сверхъ того, мы предпочли не злоупотреблять вниманіемъ читателей ученаго изданія. Заключимъ словами поэта:

Vive, vale! si quid novisti rectius istis
Candidus imperti, si non, his utere mecum.

ласть исторіи Подолья и южно-русскаго козачества. Потому мы вновь займемся этимъ вопросомъ въ отдѣльной статьѣ о козачествѣ, которая вскорѣ явится въ свѣтъ.